

Глава 55. Рекомендательное письмо в Гоцзыцзянь

Учителя уездного училища, ожидавшие снаружи, услышав доносившиеся изнутри слова, недоумённо переглянулись, а затем их завистливые взоры единодушно устремились на учителя Циня. Вот каким должен быть ученик!

Лицо учителя Циня выражало целую гамму чувств. Он, признаться, не ожидал, что Чу Цы откажется от предложения инспектора Чжу наречь его вторым именем. Услышав это, он сперва ощутил укол разочарования, ведь он уже сам подобрал для юноши второе имя и лишь ждал дня рождения ученика, чтобы явиться на обряд в качестве почётного гостя.

С другой стороны, его переполняла гордость за своего блестящего подопечного. Получить второе имя от самого инспектора Чжу — это сулило безграничные перспективы в будущем.

В тот миг, когда Чу Цы произнёс свой отказ, учитель Цинь почувствовал прилив гнева: ему показалось, что тот поддался сантиментам и не думает о собственном будущем. Но тут же это чувство сменилось безмерной гордостью. Иметь в своей жизни такого ученика — этого было уже достаточно.

В полдень уездный начальник Ян устроил пир в честь высоких гостей, особо пригласив Чу Цы и трёх других юношей разделить с ними трапезу. Инспектор по образованию Чжу, заинтересовавшись наставником, о котором с таким почтением говорил молодой человек, велел главе академии Куну пригласить и его.

За столом гости обменивались кубками и делились занимательными историями. Поговорив с учителем Цинем, сановник заметил:

— Теперь я понимаю, почему ваш ученик так предан вам.

— Великий наставник переоценивает меня. Мой неразумный ученик проявил невежество и оскорбил вас. Лишь благодаря вашему великодушию вы не стали взыскивать с него.

— Вы ведь цзюйжэнь, почему же не ищете чиновничьей должности? — Получение степени цзюйжэня открывало дорогу на государственную службу, и даже в случае провала на столичных экзаменах можно было получить назначение.

— Благодарю Великого наставника за заботу, но стезя наставничества подходит мне куда больше, нежели служба, — ответил учитель Цинь. В прошлом он полгода служил уездным начальником, но тот опыт настолько разочаровал его, что он в гневе подал в отставку, вернулся в родные края и обрёл покой в жизни простого учителя, подобно вольному журавлю среди облаков.

— Вот оно что. Впрочем, просвещение талантов — тоже великая заслуга, ничем не уступающая

службе государю.

Учитель Цинь лишь смиренно кивнул, принимая похвалу.

***

После пира инспектор Чжу удалился в отведённые ему покои в управе, куда вскоре велел позвать инспектора Мо и Чу Цы.

— В прошлом году, благодаря твоему плану по борьбе с бедствием, удалось разрешить кризис в Мобэе. Эта табличка — моя благодарность. Ты доволен? — В отсутствие посторонних сановник говорил прямо. Наблюдая за юношей всё утро, он пришёл к выводу, что этот человек разумен и знает меру.

— Служить двору и развеять его тревоги — для меня уже величайшая радость. Ныне же удостоиться внимания самого инспектора и получить этот дар... Словами не выразить всей глубины моей благодарности. — Такую вещь не купишь ни за какие деньги. Наградная плашка могла принести благословение не только потомкам, но и всему краю.

— Помимо этого, у меня есть для тебя кое-что ещё, — произнёс инспектор Чжу. По его знаку инспектор Мо шагнул вперёд и вручил Чу Цы две именные карточки.

— Это... — Юноша развернул их, и у него перехватило дыхание. Это были рекомендательные письма для поступления в Гоцзыцзянь, Императорскую академию провинции Сицзян.

В предыдущую эпоху Гоцзыцзянь существовала лишь в столице. Но когда на престол взошёл основатель династии, он заявил, что одна академия не может вместить все таланты Поднебесной, и это — несчастье для государства. Он издал указ, повелевающий основать по одной Императорской академии на каждые две соседние провинции. Всего их было семь по всей стране, не считая столичной. Учеников, обучавшихся в них, называли цзяньшэнами.

Слово «цзяньшэн» было у всех на слуху. Чу Цы даже проводил открытый урок по рассказу «Смерть Янь Цзяньшэна».

По сути, этот статус был равносителен положению «ямэнь-нэй» — отпрысков высокопоставленных чиновников. В Императорскую академию, высшее учебное заведение провинциального и даже государственного уровня, могли поступить лишь гуншэны и иньшэны, которых после зачисления именовали цзяньшэнами.

Гуншэны — это кандидаты, рекомендованные инспекторами по образованию со всех областей. Рекомендации выдавались раз в два года, и на каждую область приходилось лишь одно место. Повышение инспектора Чжу до главного инспектора провинции было уже решённым делом, потому у него и оказалось два рекомендательных письма. Со временем эта система утратила

былую справедливость, и простор для закулисных махинаций стал огромен.

С иньшэнами всё было ещё проще. Это были те, кто поступал в академию по праву наследия, благодаря заслугам предков-чиновников. Разумеется, это касалось лишь чинов пятого ранга и выше, причём от одной семьи мог учиться только один потомок. Даже дети начальников областей едва могли рассчитывать на зачисление.

Ученики Гоцзыцзяня имели несколько преимуществ. Они могли участвовать в провинциальных экзаменах напрямую, минуя ограничения квот для сюцаев. Провалившиеся на экзамене могли сдать дополнительный кэши на получение степени цзюйжэня, и в случае успеха допускались к столичным экзаменам. Это была своего рода привилегия, дарованная двором чиновникам, — способ проложить их потомкам дорогу к успеху.

Обладание этой бумагой означало, что теперь он мог спокойно изучать «Вёсны и осени», не тревожась о том, что будет в случае провала. У него появился запасной путь. Конечно, к провинциальным экзаменам всё равно нужно было готовиться со всем усердием. Быть цзюйжэнем, сдавшим экзамен, и цзюйжэнем, получившим степень по дополнительному набору, — две совершенно разные вещи. Последние, как бы блестяще они ни сдали столичный экзамен, могли рассчитывать лишь на последние места в списке. Шанс выделиться появлялся только на дворцовом экзамене, если удавалось произвести яркое впечатление.

Только теперь молодой человек осознал истинную цену тех нескольких листков бумаги, что он написал когда-то.

Хотя другие, несомненно, получили от этого куда большую выгоду, он был всего лишь скромным сюцаем. Без рекомендации свыше его записки никогда не достигли бы нужных ушей, так что подсчитывать выгоды и потери было бессмысленно.

Чу Цы низко поклонился инспектору Чжу, благодаря за покровительство. В древности, где царил строгая иерархия, чиновникам было проще простого сокрушить его. Встретить таких людей на своём пути было настоящей удачей.

Попрошавшись с сановником, он вышел вместе с господином Мо.

— Благодарю вас, почтенный господин, за ваше содействие. Без вас я не получил бы всего того, что имею сегодня.

Инспектор Мо улыбнулся:

— Это была взаимовыгодная сделка, не стоит благодарностей. Скорее, это я оказался в выигрыше. — Когда инспектор Чжу получит повышение до главного инспектора провинции, он тоже сможет продвинуться по службе, став инспектором по образованию области Ганьчжоу. Разница хоть и в один, а то и в полранга, но для большинства это была пропасть, которую не преодолеть за всю жизнь.

Не успел Чу Цы покинуть пределы управы, как к нему поспешил один из яча:

— Вы ли будете сюцай Чу? Уездный начальник просит вас пройти в задний зал для беседы.

Юноша мысленно вздохнул. Этот день был похож на бесконечную череду встреч, но выбора не было — идти нужно.

Уездный начальник Ян встретил его с широкой улыбкой:

— А, вот и мой добрый друг! Прошу, присаживайся. Я пригласил тебя сегодня, чтобы обсудить завтрашнюю церемонию водружения реликвии в деревне Чанси.

Согласно обычаю, если в деревне появлялся человек, удостоенный звания «Добродетельный и честный», у въезда в неё следовало воздвигнуть почётные ворота с надписью «Деревня Доброты и Милосердия», а сам знак почета повесить в родовом храме его семьи для почитания потомками. Но проблема заключалась в том, что дед Чу был беженцем, и его собственная поминальная табличка находилась в общем храме предков деревни.

Строить новый родовой храм сейчас было уже поздно, а держать дарственную доску в управе было нельзя. Поэтому глава уезда и позвал Чу Цы, чтобы узнать его мнение.

— Пусть она будет в деревенском храме предков. Я, Чу Цы, — житель деревни Чанси. Старшие и соседи всегда относились ко мне с большой добротой. Сегодня, удостоившись этой чести, я обязан разделить её со всеми жителями деревни.

— Благородно, мой друг, весьма благородно! Я немедленно отправлю людей с известием, а ты завтра поедешь со мной в экипаже уездной управы.

— Ваше милосердие, батюшка-чиновник, безгранично, и я со смирением принимаю вашу доброту.

— Ах, да. На днях приходил управляющий типографии к писарю и сообщил, что последняя партия сборников задач отпечатана. Твой гонорар уже готов, и я велю людям из типографии доставить его тебе сегодня же.

— Благодарю вас, батюшка-чиновник.

Чу Цы втайне ликовал. Деньги пришли! Теперь можно вернуться в деревню и велеть брату строить большую усадьбу.

***

В деревне Чанси сегодня ожидалось большое событие. Ещё до рассвета староста поднял всех жителей на ноги, чтобы те вычистили дорогу от въезда в деревню до самого храма предков. На пути не должно было остаться ни единого камешка, ни единой травинки.

Кроме того, он отправил нескольких крепких мужчин прибраться в храме, очистить крышу и балки. Если бы весть из уездной управы пришла не вчера вечером, он бы, наверное, велел заново покрыть здание красным лаком.

Жители деревни перешёптывались, не понимая, что происходит. Самые наблюдательные заметили, как жена и невестка старосты направились к дому семьи Чу с какими-то свёртками, и предположили, что в их семье случилось нечто радостное.

— Старшая сестрица, вот, сшила в этом месяце новое платье, ещё ни разу не надевала. Примерь, подойдёт ли? Если нет, сейчас же переделаем.

— Сестрица Сюнян, и ты переоденься. Это платье я надевала всего пару раз, не брезгуй. Я покрупнее тебя, так что даже на твоём положении будет впору. Кстати, я и вашим мужчинам принесла по новому комплекту, отнеси им скорее, пусть переоденутся.

Жена и невестка старосты тараторили без умолку, повергая троих членов семьи Чу в полное недоумение. Что происходит? С чего бы им вдруг дарили одежду?

— А вы что, ещё не знаете? — нетерпеливо выпалила невестка. — Ваш Сяо Эр... тьфу-тьфу-тьфу, то есть наш деревенский сюцай удостоился похвалы от самого инспектора по образованию и получил табличку «Добродетельный и честный». Говорят, такую честь оказывают лишь одному человеку в год на всю провинцию!

У матушки Чу голова пошла кругом, и она едва не лишилась чувств. Жена старосты тут же подхватила её, помогая прийти в себя.

— Мой сын... он и вправду получил эту... табличку?

— Сушья правда! Вам, матушка, теперь только и ждать, как станете лаофэнцзюнь, ха-ха-ха!

<http://bllate.org/book/15354/1431692>